

© ЭО, 2005 г., № 2

Р. М. Бегеулов

К ДИСКУССИИ О РАССЕЛЕНИИ КАРАЧАЕВЦЕВ В XVII–XVIII ВВ.

В исторической науке до сегодняшнего дня не сложилось единого мнения по вопросу о том, какую территорию занимали карачаевцы в XVII–XVIII вв. Споры ведутся, главным образом, по поводу времени и причин переселения карачаевского населения с верховьев р. Баксана в ущелье р. Кубани. О проживании карачаевцев в XVII в. в Баксанском ущелье свидетельствуют письменные материалы и археологические источники, а также народные предания. Однако время заселения ими кубанских верховий вызывает до сих пор разногласия. Причем практически все авторы, касавшиеся этого вопроса, опирались на отписки русских послов Ф. Елчина и П. Захарьева, посетивших в 1639–1640 гг. по поручению царя Михаила Федоровича “Дадановскую землю” (Мегрелию) (*Белокуров* 1888: 270–374). Путь послов пролегал через Карачай. Но, анализируя один и тот же документ, одни исследователи приходили к выводу о том, что карачаевцы в то время еще жили в Баксанском ущелье (*Кокиев* 1941; *Лайпанов* 1957; *Лавров* 1969; *Анчабадзе, Волкова* 1993), а другие, напротив, утверждали, что карачаевцы к этому времени уже жили в верховьях р. Кубани (*Кушева* 1963: 170–171).

Подробный анализ опубликованных работ по данной проблеме, а также свою точку зрения на исследуемый вопрос изложил несколько лет назад и Ю.Н. Асанов (*Асанов* 1996: 61–96). Он поддерживает мнение о кубанском местожительстве карачаевцев в 1639–1640 гг. и считает, что переселение с Баксана произошло как раз перед путешествием послов весной 1639 г. (*там же*: 92). Кроме того, по мнению Ю.Н. Асанова несколько лет спустя карачаевцы возвратились в Баксанское ущелье, а “где-то между 1654–1743 гг. опять вынуждены были покинуть его” (*там же*).

Автор настоящей статьи согласен с Ю.Н. Асановым и Е.Н. Кушевой: путь русских послов в Мегрелию 1639–1640 гг. проходил именно через кубанский Карачай. Аргументы, приводимые в пользу этого, кажутся весьма убедительными.

Однако при внимательном прочтении названных документов посольства и, учитывая некоторые другие данные, трудно отделаться от мысли, что на самом деле карачаевцы в описываемое время проживали и в Кубанском, и в Баксанском ущельях. Впервые такую точку зрения высказала Е.П. Алексеева (*Алексеева* 1971), что, впрочем, не удовлетворило ни сторонников “баксанской партии”, ни “кубанской”, хотя, по нашему мнению, такая позиция имеет право на существование и, более того, кажется наиболее правильной.

Постараемся привести аргументы в пользу этого предположения. В октябре 1639 г. уже упоминавшиеся русские послы Ф. Елчин и П. Захарьев прибыли в “Алегукину Кабарду”. В то время она располагалась на Баксане (*Белокуров* 1888: 304, 317). Алегука был в отъезде, но брат его велел своему узденю (дворянину) проводить послов “прямою дорогой на Сони (Сванетию. – *Р.Б.*) в Дадановскую землю” (т.е. во владения

Диадани), до которой было “три дня ходу”. Здесь послы разошлись: Ф. Елчин прямой дорогой не пошел, а отправился, как пишет П. Захарьев, на “Карачаи для своего торгу” (*там же*: 304). Причем выехали послы из Алегукиной Кабарды 6 октября, а пришли в Карачай только 13 октября (*там же*: 318), т.е. на дорогу было затрачено восемь дней (в челобитной П. Захарьева указано пять дней) (*там же*: 302). Очевидно, что прямая дорога из Алегукиной Кабарды в Сванетию шла по Баксану и дальше через перевал Донгуз-Орун, однако, поскольку послы шли не прямой дорогой, да еще восемь (либо пять) дней только до Карачая, то вывод о нахождении этого “Карачая”, т.е. карачаевцев на Кубани напрашивается сам собой. К тому же, как верно заметил Ю.Н. Асанов, документы посольства свидетельствуют о соседстве карачаевцев с абазинами и ногайцами, а это слабо увязывается с Баксанским ущельем (Асанов 1996: 73–76).

Согласно статейному списку П. Захарьева, в 1640 г. послы возвращались из Мегрелии, 26 мая они “пришли в Сони. Июня в 8 день пошли из Соней. Июня в 12 день пошли из Карачаев. Того ж дни пришли в Алегукину Кабарду...” (Белокуров 1888: 374).

Странно, что, рассматривая проблему расселения карачаевцев в XVII в., никто из исследователей данного документа не обратил внимание на то, что на обратном пути послы проделали путь из Карачая в Алегукину Кабарду всего за один день. Как могло получиться, что из Алегукиной Кабарды в Карачай в 1639 г. послы добирались восемь (или пять) дней, – пусть даже с учетом каких-либо остановок и отдыха, – а из Карачая в Алегукину Кабарду в 1640 г. всего один? Трудно найти другое объяснение, как то, что карачаевцы обитали и в Кубанском, и в Баксанском ущельях.

Гипотезы сторонников позднего появления карачаевцев на Кубани не согласуются и с археологическими данными. В 1958 г. экспедиция Карачаево-Черкесского НИИ во главе с Е.П. Алексеевой провела раскопки в верховьях Кубани на древнем могильнике у сел. Карт-Джурт, заведомо принадлежавшего карачаевцам (а не каким-либо гипотетическим предкам), и выяснила, что находки в погребениях датируются XIV – началом XVIII в. (Алексеева 1971: 165).

Карачаевский фольклор свидетельствует, что карачаевцы в XVII в. проживали одновременно и на Кубани и в Баксане. Примером может служить знаменитая песня-поэма “Каншаубий”, или “Плач княгини Гошаях”, прекрасно исследованная Ю.Н. Асановым (Асанов 1996: 30, 46–50): княгиня называет места, где ей приходилось жить, а именно Эльтаркач, который находится на Кубани. Упоминаются карачаевские князья братья Камгут, Каншаубий (Каншау), Эльбуздук и Гилястан Крымшамхаловы – реальные исторические лица, жившие в первой половине XVII в. (что уже не вызывает сомнений), а также их владения в Эльтаркаче. Эльбуздук и Гилястан упоминаются в документах посольства Ф. Елчина и П. Захарьева (Белокуров 1888: 305), народная память связывает один из склепов на Баксане с именем Камгута (Тебуев, Хатуев 2002: 90).

Видимо, Камгут и Каншаубий Крымшамхаловы с подданными проживали в Баксанском ущелье в селении Эль-Джурт (Тар-Ауз), а Эльбуздук и Гилястан – на Кубани.

Конечно же, население в этих районах не было постоянным, происходили переселения, феодалы с зависимым населением переходили с места на место. Однако утверждать, что с переселением какого-либо феодала уходило и все население ущелья, как часто повествуется в народных преданиях, было бы не всегда правильным, так как в верховьях р. Баксан и Кубани проживали феодальные роды, враждовавшие между собой. В феодальных родах часто происходили разделы: братья не только делили движимое и недвижимое имущество, но также подвластных крестьян, после чего основывали новые селения. Нечто похожее, например, произошло в конце XVIII – начале XIX в. с княжеской фамилией из Баксанского ущелья Орусбиевых (Орусбиевых). Не ужившись с князем Исмаилом, вдова его брата и его племянники

переселились вместе с подвластными людьми из Баксана в Тебердинское ущелье. Однако это не означало, что из Баксанского ущелья ушло все население, хотя такой вывод напрашивается при прочтении соответствующего места в работе Л.И. Лаврова (Лавров 1969: 83). Часть осталась с князем Исмаилом Орусбиевым (Малкондуев 2001: 98, 105–106).

Видимо, подобные передвижения происходили в XVII–XVIII вв. и в Карачае. Судя по отрывочным фольклорным данным, ветвь князей Крымшамхаловых в Баксанском ущелье прервалась. Это обстоятельство, а также различные военно-политические события вызвали отток карачаевского населения из Баксана в Кубанскую котловину, начавшийся, судя по всему, во второй половине XVII в. Однако какая-то часть карачаевцев на Баксане, по-видимому, все же оставалась. Оставшаяся часть карачаевцев, смешавшись с выходцами из Чегемского, Безенгиевского и Балкарского обществ, приняла участие в формировании современного балкарского населения Баксанского ущелья. Мнение, что орусбиевцы появились на Баксане, когда карачаевцев там уже не было, пока нельзя считать обоснованным. Название “орусбиевцы” связано с княжеской фамилией Орусбиевых, выделившейся из фамилии Суншевых – князей Безенгиевского общества Балкарии. Тем не менее время переселения предков балкарского населения Баксана пока еще не выяснено. Основываясь на народных преданиях, этот процесс часто относят к середине XVIII в. (Мусукаев 1978: 10). Л.И. Лавров писал, что «о появлении урусбиевцев в этом ущелье (Баксанском. – Р.Б.) становится известно в начале 1780-х гг., когда Я. Рейнеггс в своем сочинении отметил: “на Баксанских горах ...пасут (свой скот) 160 бедняков племени Орузпи”» (Лавров 1969: 82). Однако в 1773 г. Гильденштедт упоминает Баксан в качестве одного из округов “провинции Басиания”, т.е. Балкарии (Гильденштедт 2002: 224–225). А если верить переводу с арабского так называемой большой хуламской надписи (повествующей о земельном споре владельцев с пятью горскими обществами), то Баксан как самостоятельное общество фигурирует там уже в 1709 г. (Малкондуев 2001: 48). Правда, непонятно, владели ли им в то время Орусбиевы. Придется поставить под сомнение и то, что “старейшим известием об урусбиевцах является балкарская надпись 1715 г., вырезанная на каменной плитке” (Эпиграфические памятники 1968: 50). Согласно Л.И. Лаврову, в этой надписи упоминается Исмаил Варисбий (там же: 50). Пока остается не доказанным отождествление этим автором эпонимов “Варисбий” и “Орусбий” (“Урусбий”), учитывая, что в Балкарии было популярным имя Барасбий и что существует балкарская княжеская фамилия из Чегема – Барасбиевы (хотя и более позднего происхождения).

Не отражен уход карачаевцев из Баксана и переселение в этот регион орусбиевцев в сообщении 1743 г., в котором говорится, что между народом “Харачай”, обитающим в “кубанских вершинах”, и “волостью Чегем” находится “народ соны” (сваны), которые “живут на вершинах реки Баксана, близ рек Кумы и Кубани” (Кокиев 1934: 31).

Расселение в то время на Баксане сванов еще не свидетельствует о том, что карачаевцев там уже не было. Так, Г.Ю. Клапрот находил в 1807–1808 гг. смешанное население и в других ущельях Центрального Кавказа (Клапрот 1974: 256). Следовательно, имело место смешанное расселение – явление не редкое не только на Кавказе, но и во всем мире. Автор настоящей статьи уже описывал похожую ситуацию, относящуюся к первой половине XIX в., когда благодаря военно-политическому союзу карачаевских князей Карабашевых и абхазских князей Маршания, скрепленному “династическим” браком, в верховьях Тебердинского ущелья в середине XIX в. проживало подвластное этим феодалам смешанное карачаево-абхазско-абазинское население (Бегеулов 2002: 17).

Что-либо подобное могло иметь место и в 1740-х годах в Баксанском ущелье. Кроме того, появление здесь сванов можно как раз связать со временем переселения

туда князей Орусбиевых, когда последним пришлось подтверждать их права на владение Баксаном, ведя войну с соседними феодалами. По преданиям, Орусбиевым в их войне с чегемскими князьями Барасбиевыми и Келеметовыми, а также с кабардинскими Атажукиными помогли сваны во главе с князем Дадешкилиани (*Тебуев, Хатуев* 2002: 97). В этой связи интересно и замечание Л.И. Лаврова: «...первые Урусбиевы, очевидно, имели какие-то связи ...со сванами. На это указывает тамга, присвоенная Урусбиевыми после выделения их из фамилии Суншевых. Она по начертанию совпадает с грузинской буквой, соответствующей русскому “о”, и тем самым могла обозначать начальный звук фамильного имени Урусбий, которое нобалкарски звучит Орусбий...» (*Эпиграфические памятники*: 125). Первый натиск был отбит. Но вскоре Орусбиевы проиграли чегемским князьям Балкароковым, действовавшим, видимо, в союзе с теми же Атажукиными, и лишились власти над сел. Быллым (*Лавров* 1969: 82). В это время мог и произойти отток сванов из Баксана, вытесненных кабардинскими и карачаево-балкарскими феодалами. По крайней мере И.А. Гильденштедт в 1770 г. упоминает на Баксане как тюркоязычное население, так и представителей других этноязыковых групп (*Гильденштедт* 2002: 224–225).

Этнографическая группа карачаево-балкарского народа – урусбиевы – говорит не на безенгиевском, а на карачаево-баксано-чегемском диалекте карачаево-балкарского языка. Это свидетельствует, что в основе диалекта орусбиевцев лежит карачаевский язык.

В представлении соседних народов жители Баксана, даже уже находившиеся под управлением феодалов Орусбиевых, продолжали ассоциироваться с карачаевцами. Г.Ю. Клапрот в начале XIX в. считал “племя Урусбий” частью карачаевцев (*Клапрот* 1974: 254). Такого же мнения придерживались позднее М.К. Голумбиевский и В.Я. Тепцов (*Лавров* 1969: 83).

Орусбиевым не удалось объединить под своей властью население всей горной части Баксанского ущелья, и отдельные селения попадали под власть других феодалов. Именно этим, по-видимому, можно объяснить сообщение кабардинского общественного деятеля первой половины XIX в. Ш.Б. Ногмова, основанное на преданиях и повествующее о том, как кабардинские князья могли брать в Карачае “что требуется...”, а “если кто будет противиться, то посланный от князя заарестовывает у неповинующегося дом, так что если положить камень в дверях, то не только его снять никто не может, даже и перейти не смеет до тех пор, пока камня не прикажет сам князь снять; при этом люди, оставшиеся внутри покоя, не выходят во двор, находившиеся же на дворе не могут войти...” (*Ногмов* 1994: 161).

По отношению к кубанскому Карачаю такое сообщение выглядит спорным. Но в баксанском Карачае нечто подобное могло иметь место. Особенно если учесть, что баксанские карачаевцы довольно долго находились без собственной княжеской династии. Вследствие этого они стали объектом соперничества соседних феодалов. В определенное время Баксан, вернее часть его, могла контролировать какая-либо группа кабардинских феодалов, что и зафиксировало предание. Скорее всего это произошло в конце XVIII – начале XIX в., когда князья Орусбиевы контролировали лишь верхний Баксан, другая же часть их владений была разделена между чегемскими и кабардинскими феодалами. Видимо, это и имел в виду Г.Ю. Клапрот, сообщая: “к карачаевцам принадлежит еще род Урусби, живущие к северо-востоку отсюда (кубанские карачаевцы. – *Р.Б.*) на отрогах горы Чалпак (Джалпак. – *Р.Б.*), который отделяет Карачай от Баксана...” (*Клапрот* 1974: 25). Таким образом, Клапрот разделяет орусбиевцев на две части, подчиненные разным владельцам, но единые по языку.

Данная статья, конечно, не претендует на полное освещение спорных моментов исторического прошлого. Она – только попытка по-новому взглянуть на некоторые

дискуссионные вопросы истории северокавказского региона. Автор надеется, что в ближайшее время новые исследования по проблеме расселения карачаевцев в XVII–XVIII вв. поставят точку в этом сложном вопросе.

Литература

- Алексеева 1971* – *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971. С. 174.
- Анчабадзе, Волкова 1993* – *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX веков // Матер. к сер. “Народы и культуры”. Вып. XXVII. Народы Кавказа. Кн. 1. М., 1993. С. 42–43.
- Асанов 1996* – *Асанов Ю.Н.* Песня-поэма “Каншаубий” или “Плач княгини Гошаях”. Нальчик, 1996. С. 61–96.
- Бегулов 2002* – *Бегулов Р.М.* Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. С. 17.
- Белокуров 1888* – *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. М., 1888. С. 270–374.
- Гильденштедт 2002* – *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 224–225.
- Кланрот 1974* – *Кланрот Г.Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 256.
- Кокиев 1934* – *Кокиев Г.* Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Изв. Северо-Осетинского НИИ. Т. VI. Орджоникидзе, 1934. С. 31.
- Кокиев 1941* – *Кокиев Г.А.* К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. № 22–24.
- Кушева 1963* – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII века). М., 1963. С. 170–171.
- Лавров 1969* – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнограф. сб. Вып. 4. М., 1969. С. 80–81.
- Лайпанов 1957* – *Лайпанов Х.О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957. С. 343 и др.
- Малкондуев 2001* – *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2001. С. 98, 105–106.
- Мусукаев 1978* – *Мусукаев А.И.* Балкарский туктум. Патронимическая организация и “фамилия” в системе сельской общины. Нальчик, 1978. С. 10.
- Ногмов 1994* – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. (Составленная по преданиям кабардинским). Нальчик, 1994. С. 161.
- Тебуев, Хатуев 2002* – *Тебуев Р., Хатуев Р.* Очерки истории карачаево-балкарцев. Москва: Ставрополь, 2002. С. 90.
- Эпиграфические памятники* – Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XIX вв. / Издание текстов, пер., коммент., статья и приложения Л.И. Лаврова. М., 1968. С. 50.

R.M. Begeulov. Toward a Discussion on the Karachai Settlement Patterns in the 17–18th Centuries

The author reviews different viewpoints regarding the Karachai settlement patterns of the period and attempts to demonstrate that the Karachai occupied both Baksan and Kuban passes at the time. This is a disputable issue in the history of the Northern Caucasus, which is inherently linked with a set of socio-economic and political problems of the region.